

СВЯЗЬ ОБРАЗА ПАРТНЕРА С ОБРАЗОМ РОДИТЕЛЕЙ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ ЖЕНЩИН

Шлыкова Ю. Б., Ейбоженко В. Ю.

Шлыкова Юлия Борисовна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Эл. почта: magnoly@mail.ru

Ейбоженко Виктория Юрьевна, ДОУ ООО «ОТКРЫТИЕ»,
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Будённого, 221
Эл. почта: e-vikka@yandex.ru

В статье представлено исследование образов родителей и партнера по отношениям через автобиографические воспоминания женщин. Авторы опираются на психоаналитический и субъектно-бытийный подходы в описании ситуации переноса собственного детско-родительского опыта на отношения с партнером. В работе анализируется схожесть или различие в структуре и содержании воспоминаний о родителях и о партнере по отношениям. Авторами предложена модель анализа воспоминаний личности, включающая шесть основных критериев: наличие Я-ситуации, Мы-ситуации в описываемом событии как показатель готовности к партнерским конструктивным отношениям; активность главного персонажа как проявление субъектности в собственной жизни; степень осознанности и вербализации переживаний как показатель принятия или отвержения личного опыта; число персонажей воспоминания как готовность включаться в разнообразные социальные отношения; время описания воспоминания (прошедшее, настоящее, будущее), отражающее актуальность в настоящем описываемых событий и некоторые защитные эффекты автобиографической памяти; сила выраженности Эго как показатель локуса контроля, идентификации с другим, значимости отношений с описываемыми субъектами отношений. На основании выделенных критериев авторы анализируют структуру и содержание воспоминаний респондентов. Проводится сравнительный анализ двух групп женщин: имеющих одинаковые либо различающиеся структурно-содержательные характеристики автобиографических воспоминаний о родителях и о партнере по отношениям. Авторы рассматривают рассогласованность структуры и содержания воспоминаний о родителях и о партнере, как неготовность женщины включить образ мужчины (партнера) в собственную историю жизни, субъективную картину жизненного пути. Такая деформация объясняется авторами с позиций психоаналитического подхода, как результат неадекватности детско-родительского опыта. Авторы указывают ряд причин, обуславливающих согласованность или рассогласованность воспоминаний о родителях и о партнере, среди них: стиль и другие особенности детско-родительских отношений в собственном детском опыте; зрелость и длительность отношений с партнером; удовлетворенность отношениями с партнером; оправданность или неоправданность ролевых ожиданий в отношениях. Различия между двумя группами женщин выявлены по всем выделенным критериям. В результате исследования авторы показывают, что связь образа родителей и образа партне-

ра по отношению носит стилевой характер, связанный с феноменами идентичности, включенности в отношения и готовности восприятия партнера как части собственной истории жизни.

Ключевые слова: автобиографические воспоминания, критерии анализа воспоминаний, образ родителей, образ партнера, субъективная картина жизненного пути.

Происходящие на сегодняшний день изменения в обществе, системе норм и ценностей, социальных установках охватили все социальные институты, в том числе и семью. Несомненно, что на современном этапе семья переживает кризис. Однако, согласно данным различных исследований, семья, несмотря на происходящие изменения в социуме, продолжает занимать одно из приоритетных мест в иерархии жизненно важных ценностей человека (Шнейдер, 2000; Антонов, Лактюхина, 2015).

В связи с приведенными выше тенденциями возрастает роль психологической помощи. А это, в свою очередь, делает актуальной проблему поиска адекватной теоретико-методологической базы для разработки основ психологической работы с семьей.

Семья — это фактор, воздействующий на человека. Для ребенка семья — первичная социальная микросреда. Структура отношений в семье определяет особенности позиций и ролей членов семьи (Шнейдер, 2000; Морозова, Сорокина, 2009; Галимзянова, Романова, Москвина, 2010, 2011).

Процессы, которые происходят в семье, отражаются на процессе становления личности. У человека с раннего детства формируется и закрепляется опыт жизни именно в семье (Шнейдер, 2000; Хамитова, 2003). Для ребенка она выступает как безопасная форма его существования. В семье формируются морально-нравственные и этические ценности, нормы общения, социальные установки. Они, как правило, усваиваются бессознательно и сохраняются на всю жизнь (Исполатова, Николаева, 1999; Хамитова, 2003; Howe, 2011; Тихонова, Яновский, 2015).

Характер детско-родительских отношений способствует формированию у детей «образа семьи» (Шнейдер, 2000). В свою очередь «образы» родителей могут влиять на формирование «образа» будущего партнера, что определяет в будущем выборы супругов (Айгунов, 2008; Морозова, Сорокина, 2009; Галимзянова, Романова, Москвина, 2010, 2011; Змановская, Карташова, 2011; Романова, Щербакова, 2011).

Данная статья является частью исследования, посвященного анализу автобиографических воспоминаний женщин и мужчин, отражающих образы родителей и партнеров по отношениям.

В воспоминаниях детства находят свое отражение глубинные переживания и травматический опыт, которые бессознательно определяют жизнь индивида в будущем (Фрейд, 1901; Адлер, 1920; Исполатова, Николаева, 1999; Nelson, Fivush, 2004; Theiler, 2005; Pasupathi, Weeks, 2010; Howe, 2011; Бенгози, 2013). Новизна

и актуальность данного исследования определяется тем, что внимание психологов до настоящего времени было сосредоточено на проблемах эффективности работы памяти, а изучение субъективной представленности феноменов ее функционирования оставалось в стороне. Но без глубинного изучения внутреннего мира человека любое изучение личности остается неполным.

В исследовании оказались затронутыми такие психологические феномены и явления, как самоотношение, образ-Я, значимые другие, детско-родительские отношения, психосоциальные стадии развития.

Автобиографическую память можно рассматривать как субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути (Wilson, Ross, 2003; Nelson, Fivush, 2004; Шлыкова, 2006). Человек, проживая свою жизнь, конструирует ее историю. То, какой она будет, зависит от многих условий и обстоятельств, одни из которых сложились еще до его рождения, а другие — в детстве или более позднем возрасте. Родителям (или тем, кто их заменяет) принадлежит важнейшая роль в этом процессе на протяжении первых лет после рождения; впоследствии в написании «личной истории» начинают участвовать и другие значимые люди (Хамитова, 2003; Nelson, Fivush, 2004; Шлыкова, 2006; Pasupathi, Weeks, 2010).

Мы предположили, что существует связь в образах родителей и партнера по отношениям, представленных в автобиографических воспоминаниях личности.

Для проверки выдвинутой гипотезы мы поставили перед собой цель — изучить структурно-содержательные характеристики образов родителей и партнера по отношениям, представленные в воспоминаниях личности.

В данной статье представлены результаты анализа автобиографических воспоминаний 27 женщин в возрасте от 24 до 44 лет.

Для проверки гипотезы нами использовались следующие методы:

- модифицированная техника анализа ранних детских воспоминаний Е. Н. Исполатовой и Т. П. Николаевой (Исполатова, Николаева, 1999);
- контент-анализ автобиографических воспоминаний (Шлыкова, 2006);
- беседа.

Для анализа автобиографических воспоминаний нами был разработан список стимульных воспоминаний о родителях и о партнере / супруге. Всего 16 воспоминаний.

Теоретический обзор и практический опыт использования техники анализа ранних детских воспоминаний позволяет по определенным параметрам определить ряд закономерностей, дающих информацию о социальной дезадаптации, нарушенных межличностных отношениях, индивидуальных способах преодоления проблем (Адлер, 1920; Исполатова, Николаева, 1999; Theiler, 2005; Фицджеральд, 2007; Pasupathi, Weeks, 2010; Howe, 2011; Бенгози, 2013; Тихонова, Яновский, 2015; Шлыкова, Лагутова, 2016). Перечислим основные критерии анализа содержания воспоминаний, используемые нами в данном исследовании:

1. Число персонажей, независимо от степени родства. Количество действующих персонажей в нашем исследовании связывалось со способностью личности устанавливать разнообразные социальные связи. Выраженное ограничение числа персонажей мы оценивали, как показатель нарушенных межличностных отношений, в основе которых чаще всего лежит состояние эмоциональной депривации (Исполатова, Николаева, 1999).

2. Направленность на совместную деятельность. Наличие «Я-» «Мы-ситуации» свидетельствует о том, что человеку свойственно устанавливать разнообразные связи с окружением, наличие только «Я-ситуации» — о пониженной включенности в отношения, тенденции к изоляции, только «Мы-ситуации» — о тенденции к симбиотическим отношениям, к слиянию (Исполатова, Николаева, 1999).

3. Активность главного персонажа в организации «психологического пространства». Активное поведение персонажа свойственно людям, стремящимся к самостоятельному преодолению трудностей, к субъектности в организации собственной жизни. В ходе психотерапии такие люди могут творчески развивать результаты сессий, «опережая» работу с психотерапевтом. Клиентам, в ранних воспоминаниях которых главным персонажам присуще пассивное поведение, свойственна позиция «реципиента» как в жизни, так и в ситуации психотерапии (Шлыкова, 2006).

4. Степень осознания и вербализация эмоциональных переживаний. Ограниченность в описании эмоциональных переживаний часто свидетельствует о выраженных межличностных нарушениях и проблемах в эмоциональной сфере (Исполатова, Николаева, 1999).

5. Сила выраженности Эго (частота использования местоимений в тексте) (Шлыкова, 2006). Выраженность данного критерия определялась количеством разных местоимений в процентном соотношении к общему количеству слов в тексте. Данный критерий позволяет определить ряд очень важных особенностей самоотношения личности и отношения с окружением. Среди них: выраженность Эго, идентификация с Другим, локализация контроля.

6. Временная форма описания события (в прошедшем, настоящем, будущем времени) (Шлыкова, 2006; Pasupathi, Weeks, 2010). Определение временного расположения события осуществлялось через времена глаголов, используемых для его описания. Подсчитывалось количественное соотношение событий, принадлежащих разным временам.

При реализации первого этапа исследования мы условно разделили общее число испытуемых женского пола на две группы:

– 1-я группа (14 человек), в которой образ партнера описан так же, как и образ родителя; мы обозначили данную группу «группа, включающая партнера в общую структуру автобиографии»;

– 2-я группа (13 человек) — «не включающая образ партнера в общую структуру автобиографии». В данной группе образ партнера по структуре и содержанию описывается отличным от образов родителей.

Результаты анализировались по выделенным выше критериям.

1. Направленность на совместную деятельность.

В первой группе в воспоминаниях о родителях и партнере по «Я-ситуации» нет существенных отличий. А ситуация «Мы» преобладает в воспоминаниях о родителях в первой группе (72%; 44%). Это говорит о том, что испытуемые из этой группы склонны в совместной деятельности включать в ситуацию родителей, выражая таким образом склонность к взаимодействию, сотрудничеству. Это свидетельствует о способности устанавливать разнообразные связи с близким окружением («*Мы с мамой на море, брызгаемся, плещемся и безостановочно смеемся. Смешит абсолютно все. Нам очень радостно...*»; «*Мы идем с папой на первомайскую демонстрацию, он держит меня за руку. Он очень красивый: в элегантном костюме-тройке...*»).

Во второй группе количество «ситуаций Мы» преобладает при описании партнера (75%), мы предположили, что это показатель не склонности к взаимодействию и сотрудничеству, а тенденция к слиянию с партнером. А количество «ситуаций Я» значительно преобладает при описании родителей (46%).

Мы видим, что к независимости от родителей стремится вторая группа (46%), а первая наоборот стремится к совместной деятельности с родителями и включает их в свою ближайшую зону. Однако преобладающая позиция «Я-сам» по отношению к родителям во второй группе может отражать не только затруднения во взаимоотношениях с родителями, но и нарушения своей идентичности. Можно предположить, что эти люди были не способны в детско-родительских отношениях включить родителей в свою ближайшую зону, таким образом, мы видим эту проблему и во взаимоотношениях с партнером. Так как только после стадии симбиотического слияния с родителем возможно отделение от него (Фицджеральд, 2007; Howe, 2011; Бенгози, 2013). За страхом включить в совместную деятельность родителя и партнера стоит страх собственного «Я», а за отрицанием зависимости от родителей стоит именно склонность к симбиотическим отношениям («*я заканчивала колледж с красным дипломом, я этого очень сильно хотела, но в итоге на гос. экзамене на одном из этапов меня завалили, вызвали мою маму и назвали сумму, которую ей надо было заплатить, но мои родители не посчитали нужным это сделать, и я с ними поссорилась...*»; «*я не вовремя приготовила ужин, и был скандал*»; «*я устроилась на работу, и родители поддержали меня*»).

2. Активность главного персонажа в организации «психологического пространства».

Во второй группе преобладает пассивная позиция у испытуемых, т.е. пассивный (страдательный) залог используется чаще в описаниях воспоминаний

с родителями (46%). Таким образом, наше предположение о наличии внутреннего конфликта во второй группе подтверждается: испытуемые сознательно описывают независимую позицию от родителей, но бессознательно их взаимоотношения, как видно из воспоминаний, симбиотичны. Можно предположить, что модель не включения родителя переносится на партнера, хотя истинный характер взаимоотношений в паре, по нашим предположениям, будет также носить зависимый характер (*«меня хвалили, когда я пошла в 19 лет работать...»*; *«мама всегда меня баловала...»*; *«меня наказали, когда я прогуляла школу, мама впервые ударила меня»*; *«когда я забеременела, он поддержал меня»*; *«он снял для меня квартиру...»*; *«мама била меня сильно»*; *«он не разговаривал со мной...»*).

Первая группа испытуемых проявляет активную позицию во взаимоотношениях и с родителями, и с партнером, что доказывает характер отношений при описании первого критерия. Активное поведение свойственно людям, стремящимся к самостоятельному преодолению трудностей (*«Я играла на улице, во двор заехала белая машина, в ней сидел какой-то мужчина и папа, папа улыбался во все 32 зуба, я подбежала к нему, словно понимая, что у него что-то есть для меня...он достал куклу... Я была счастлива и прыгала до потолка...»*; *«Я в начальной школе училась, сделала домашнее задание по русскому языку, но мама нашла в нем ошибку, я очень расстроилась»*; *«я все время ему говорила о своих проблемах на работе»*; *«я выговорила папе, что он неуважительно относится к бабушке. Он что-то кричал, и я тоже...»*).

По образу партнера различий у первой и второй групп не выявлено.

3. Степень осознания и вербализация эмоциональных переживаний.

Вербализация переживаний у испытуемых первой группы достаточно высокая в описаниях воспоминаний и с родителями, и с партнером, что обусловлено тем, что опыт детско-родительских отношений включен в структуру самоотношения, и эта же модель переносится и на отношения с партнером. Также отметим, что вербализация переживаний в первой группе одинаковая при описании родителей и партнера, что свидетельствует о рациональном отношении, устойчивой сформированной я-концепции.

Также можно отметить, что во второй группе испытуемых женского пола больше выражена вербализация переживаний с партнером (83%; 60%). Это является свидетельством актуальности переживаний партнерских отношений в настоящем. У испытуемых не рациональное отношение к партнеру, а эмоциональное, так как определенные проблемы во взаимоотношениях с партнером порождают сильные эмоциональные переживания у испытуемых в этой группе. Мы предполагаем, что причина этого в неспособности включить его в свою жизненную позицию (*«Мы просто изводили друг друга. Самое ужасное, что он не оставлял меня одну, закрывал дверь на замок... Ощущение закрытого пространства приводило меня в состояние полнейшего ...Я ненавидела его, а он*

меня в эти минуты»). Мы предполагаем, что нарушения в контакте с родителями не позволили женщинам данной группы сформировать удовлетворительные отношения с супругами.

4. Число персонажей, независимо от степени родства.

В первой группе при описании образа родителя и образа партнера количество персонажей почти равное (2,8 и 2,6), а во второй группе наблюдается снижение количества персонажей в воспоминаниях о партнере. Мы можем наблюдать сужение пространства до двух человек — это испытуемый и партнер. Можно предположить, что, с одной стороны, мы наблюдаем стремление испытуемых второй группы сепарироваться от родителей, с другой — центрация на партнере может свидетельствовать о склонности к симбиозу.

5. Временная форма описания события (в прошедшем, настоящем, будущем времени).

В целом в обеих группах преобладает использование прошедшего времени, что объяснимо общей тенденцией автобиографических воспоминаний (Шлыкова, 2006; Шлыкова, Лагутова, 2016).

В описании родителей преобладает прошедшее время, так как это прошлый опыт («у моего папы были проблемы со здоровьем, и он был готов оплатить свое лечение»; «наказывала меня в основном мама и ставила в угол, иногда на колени»).

Во второй группе использование настоящего времени преобладает в описаниях воспоминаний о родителях, т.е. образ родителя чаще выступает в активном виде. Мы предполагаем, что непроработанные отношения с партнером актуализируются при появлении эмоциональных отношений с партнером. Кроме того, можно предположить, что неприятные воспоминания указываются в прошедшем времени («он вообще меня не слышал, а продолжал думать о том, как еще доказать, что он прав, мои слова проходили мимо»).

Можно отметить и такую особенность: приятные моменты часто описываются в настоящем времени, хотя произошли они в раннем детстве («Мама на санках везет меня из детсада домой. Уже темно, и на небе видны звезды, по сторонам — снег, дома, ели. Очень красиво и хорошо»).

6. Сила выраженности Эго (частота использования местоимений в тексте).

Количество местоимений «Я» больше в первой группе и при описании родителей, и при описании партнера (2,2 > 1,8). Это подтверждает вывод о том, что испытуемые в первой группе проявляют активность позиции, инициативность, показывают включенность родителя в их жизненную позицию в детстве и, в связи с этим, способность к проявлению самостоятельности, построению отношений с окружающими и партнером («Я пошла к маме на работу, у меня были длинные волосы, во дворе их управления стоял вагончик, где стриг парикмахер... я чувствовала, как она нравится фотографу, как он к ней относится

с симпатией, это вызывало чувство гордости и восхищения за маму... Потом мы пошли с ней к инженерам, и я смотрела, как они работают, чертят что-то на больших досках... Для меня это было большим приключением»).

Анализируя использование местоимения мы, можно сказать, что в первой группе наблюдается большее использование этого местоимения в отношениях с партнером, что говорит о позитивном переносе модели отношений на собственную семью и идентификации с партнером, о его включенности в со-бытие. («Мы были знакомы с Андреем 2 недели! Мы катались с ним на велике... я испытывала необыкновенные ощущения... Тем самым заявив, что всегда будет рядом...»).

Во второй группе использование местоимения мы в описаниях воспоминаний с родителями и партнером почти не различаются, незначительно проявлена тенденция к более частому использованию местоимения мы в воспоминаниях с партнером, что подтверждает склонность испытуемых из второй группы к построению симбиотических отношений.

Во второй группе наблюдается тенденция к более частому использованию местоимения «они» в воспоминаниях, связанных с партнером. Выраженность местоимения он / она / они связана с обозначением Другого как ответственного за произошедшее («Он не оставлял меня одну ни на минуту... он закрывал дверь на замок, чтобы я не убежала... он поддержал меня при поступлении в вуз»; «Он опоздал. Заходит в класс. Такой веселый, красивый. Рассказывает какую-то историю. В деловом костюме»; «Он говорил, что я красиво рисую, что я художник. Вся в него. Он хвалил меня за большое количество отжиманий и приседаний»). Высокая выраженность данных местоимений связана с определенным снятием ответственности автора с себя и перекладыванием на другого человека. Можно предположить, что такая особенность построения автобиографических текстов у испытуемых второй группы отражает неспособность самостоятельно решать и преодолевать трудности, несамостоятельность, нерешительность и отсутствие готовности нести ответственность за события своей жизни. Мы снова возвращаемся к вопросу неудовлетворительно пройденной стадии сепарации / индивидуации (Фицджеральд, 2007; Theiler, 2005; Howe, 2011; Бенгози, 2013).

При подведении итогов анализа воспоминаний можно сделать вывод, что в анализируемых воспоминаниях мы увидели две модели отношений. В первой модели партнер включен в жизнеописание как часть субъективной картины жизненного пути, во второй — является отдельным элементом, еще не включенным в устойчивую систему отношений с окружающим миром. Понятие «включение» подразумевает общую позицию описания жизни и с родителями, и с партнером, включение партнера в общую картину переживания эмоционального фона, в общий контекст воспоминаний.

Таким образом, мы выявили перенос модели отношений в семье на отношения с супругом. Причем сам пол родителя не играет существенной роли

при формировании образа партнера, важное значение здесь играет сама модель детско-родительских отношений. Предположение о том, что построение образа супруга и образа супружеских взаимоотношений достаточно связано с тем, как был построен в детстве образ собственного «Я» находит свое подтверждение. Речь идет об идентичности, целостности собственного «Я», которое формируется в детско-родительских отношениях посредством оценок, запретов / поощрений, системы наказаний, установок. Огромную роль играет также процесс взросления и отделения от родителей. В процессе исследования мы выявили, что именно эта фаза развития личности будет в дальнейшем определять способность индивида к построению эмоционально близких отношений, созданию собственной семьи и включение супруга в свое жизненное пространство.

По результатам исследования, мы можем выделить факторы, определяющие включение партнеров в жизнеописание респондентов:

- особенности детско-родительских отношений;
- зрелость и длительность супружеских отношений;
- удовлетворенность браком;
- ролевые ожидания.

Подводя итог, можно сказать, что полученные результаты могут использоваться в консультативной работе с личностью, в семейном консультировании. Стоит отметить, что исследуемые располагают достаточно сложной структурой субъективного опыта, поэтому обобщение данных позволяет лишь систематизировать и структурировать полученные факты и тенденции для формулировки новых задач и направлений исследования.

Библиографический список

1. Адлер, А. (2002). *Практика и теория индивидуальной психологии*. Москва.
2. Айгунов, В. Р. (2008). *Мотивация выбора брачного партнера у молодежи* (Автореф. канд. диссертации). Москва.
3. Антонов, Г. В., Лактюхина, Е. Г. (2015). Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? *Вопросы статистики*, (7), 21–31.
4. Бенгози, П. (2013). Психоаналитическая парная и семейная терапия: объединение, разъединение/неединение и переобъединение связей. *Журнал практической психологии и психоанализа*, (3). Режим доступа <http://psyjournal.ru/articles/psichoanaliticheskaya-parnaya-i-semeynaya-terapiya-obedinenie-razedinenie-needinenie-i>
5. Галимзянова, М. В., Романова, Е. В. (2011). Эмоциональные переживания, связанные с событиями детства и партнерскими отношениями. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та*, (1), 209–216.
6. Галимзянова, М. В., Романова, Е. В., Москвина, Е. А. (2010). Особенности образа родителя и брачного партнера у взрослых, переживших развод родителей в детстве. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та*, (4), 113–119.

7. Змановская, Е. В., Карташова, Т. Е. (2011). Структура и содержание брачно-семейных установок современной молодежи. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, (12), 222–226.
8. Исполатова, Е. Н., Николаева, Т. П. (1999). Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности. *Вопросы психологии*, (1), 69–76.
9. Морозова, Е. А., Сорокина, Т. Ю. (2009). Модель семьи как фактор формирования брачно-семейных установок и личностных качеств молодежи. *Сибирский психологический журнал*, (32), 100–104.
10. Романова, Е. В., Щербакова, А. С. (2011). Влияние опыта взаимоотношений в родительской семье на формирование супружеских отношений и удовлетворенность браком. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, (3), 121–128.
11. Тихонова, О. И., Яновский, С. С. (2015). Особенности семейной психоаналитической психотерапии. *Журнал практической психологии и психоанализа*, (1). Режим доступа <http://psyjournal.ru/articles/osobennosti-semeynoy-psihoanaliticheskoy-psihoterapii>
12. Фицджеральд, Р. (2007). Психотерапевтическая работа с парами. *Журнал практической психологии и психоанализа*, (1). Режим доступа <http://psyjournal.ru/articles/psihoterapevticheskaya-rabota-s-parami>
13. Фрейд, З. (2007). *Психология бессознательного*. Санкт-Петербург.
14. Хамитова, И. Ю. (2003). Межпоколенные связи. Влияние семейной истории на личную историю ребенка. *Журнал практической психологии и психоанализа*, (4). Режим доступа <http://psyjournal.ru/articles/mezhpokolennye-svyazi-vliyanie-semeynoy-istorii-na-lichnyu-istoriyu-rebenka>
15. Шлыкова, Ю. Б. (2006). *Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста* (Автореф. канд. диссертации). Краснодар.
16. Шлыкова, Ю. Б., Лагутова, Л. О. (2016). Автобиографические воспоминания о супружеских отношениях и гендерная самооценка женщин. *Человек. Сообщество. Управление*, (3), 73–91.
17. Шнейдер, Л. Б. (2000). *Психология семейных отношений*. Москва.
18. Howe, M. L. (2011). *The Nature of Early Memory: An Adaptive Theory of the Genesis and Development of Memory*. New York.
19. Theiler, S. (2005). *The efficacy of Early Childhood Memories as Indicators of Current Maladaptive Schemas and Psychological Health*. Victoria, Australia.
20. Nelson, K., Fivush, R. (2004). The Emergence of Autobiographical Memory: A Social Cultural Developmental Theory. *Psychological Review*, (3), 486–511.
21. Pasupathi, M., Weeks, T. L. (2010). Integrating Self and Experience in Narrative as a Route to Adolescent Identity Construction. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 131, 31–43.
22. Wilson, A. E., Ross, M. (2003). The Identity Function of Autobiographical Memory: Time is on Our Side. *Memory*, (2), 137–149.

Статья поступила в редакцию 12.09.2017.

RELATION BETWEEN IMAGES OF PARTNER WITH IMAGE OF PARENTS IN WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL RECOLLECTIONS

Shlikova Y. B., Eibozhenko V.

Shlikova Yulia Borisovna,
Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya Str., 149
E-mail: magnoly@mail.ru

Eibozhenko Viktoria Yuryevna,
Preschool educational institution "OTKRYTIE", Russia, Krasnodar, Budennogo Str., 221
E-mail: e-vikka@yandex.ru

The article dwells upon a study of parents and a partner's images in relationships through women's autobiographical recollections. The authors base on the psycho-analytic and subjective-existential approaches in describing the situation of transferring one's own child-parent experience to the relationship with a partner. The article analyzes the similarity or difference in the structure and content of recollections about parents and a partner in relationships.

The authors propose a model for analyzing personal recollections, which includes six basic criteria: existence of the I-situation, We-situations in the described event as an indicator of readiness for partner constructive relations; activity of the main character as a manifestation of subjectivity in his/her own life; degree of awareness and verbalization of experiences as an indicator of acceptance or rejection of personal experience; a number of recollections as a willingness to be involved in different social relationships; time of a recollection description (past, present, future), reflecting the relevance in the present described events and some protective effects of autobiographical memory; strength of the ego expression as an indicator of the locus of control, identification with others, importance of relations with the described subjects of relationships.

Based on the criteria, the authors analyze the structure and content of the respondents' recollections. A comparative analysis of two groups of women is carried out: having identical or differing structural-content characteristics of autobiographical recollections about parents and a partner in relationships. The authors consider the mismatch of the structure and content of recollections about parents and a partner as a woman's unwillingness to include the image of a man (partner) in her own life story, a subjective picture of her life's path. Such deformation is explained by the authors from a perspective of a psychoanalytic approach as a result of the incongruity of the child-parent experience. The authors point out a number of reasons for the coherence or matching fault of recollections about parents and a partner.

Among them are style and other features of child-parent relationships in their own children's experience; maturity and duration of the relationship with the partner; satisfaction with the relationship with the partner; the justification or unjustified role expectations in the relationship. Differences between the two groups of women were identified by all the criteria. As a result of the research, the authors show that the relation between the image of parents and the image of a partner in relationships is stylistic in its nature, associated with the phenomena of identity, involvement in relationships and the willingness to perceive a partner as a part of their own life history.

Key words: autobiographical recollections, criteria for analyzing memories, the image of parents, the image of a partner, the subjective picture of the life path.

References

1. Adler, A. (2002). *Praktika i teorija individual'noj psihologii* [Practice and Theory of Individual Psychology]. Moscow.

2. Ajgunov, V. R. (2008). *Motivacija vybora brachnogo partnera u molodezhi* [Motivation to Choose a Marriage Partner for Young People] (Abstract of Cand. Dissertation). Moscow.
3. Antonov, G. V. & Laktjuhina, E. G. (2015). Krizis instituta braka v sovremennoj Rossii: real'nost' ili vymysel? [The Crisis of the Institution of Marriage in Modern Russia: Reality or Fiction?]. *Voprosy statistiki* [Statistics Questions], (7). 21–31.
4. Bengozi, P. (2013). Psihoanaliticheskaja parnaja i semejnaja terapija: ob#edinenie, raz#edinenie/needinenie i pereob#edinenie svjazej [Psychoanalytic Pair and Family Therapy: Unification, Disconnection / Nonunion and Re-Unification of Relations]. *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Magazine of Practical Psychology and Psychoanalysis], (3). Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/psihoanaliticheskaya-parnaya-i-semejnaya-terapiya-obedinenie-razedinenie-needinenie-i>
5. Ficzheral'd, R. (2007). Psihoterapevticheskaja rabota s parami [Psychotherapeutic Work with Couples]. *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], (1). Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/psihoterapevticheskaya-rabota-s-parami>
6. Frejd, Z. (2007). *Psihologija bessoznatel'nogo* [Dynamic Psychology]. St-Petersburg.
7. Galimzjanova, M. V. & Romanova, E. V. (2011). Jemocional'nye perezhivanija, svjazanye s sobytijami detstva i partnerskimi otnoshenijami [Emotional Experiences Related to Childhood Events and Relationships]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta* [Bulletin of the St. Petersburg University], (1), 209–216.
8. Galimzjanova, M. V., Romanova, E. V. & Moskvina, E. A. (2010). Osobennosti obraza roditelja i brachnogo partnera u vzroslyh, perezhivshih razvod roditel'ej v detstve [Peculiarities of The Parents and Partner's Image in Adults Who Survived the Divorce of Parents in Childhood]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta* [Bulletin of the St. Petersburg University], (4), 113–119.
9. Hamitova, I. Ju. (2003). Mezhpokolennye svjazi. Vlijanie semejnoj istorii na lichnuju istoriju rebenka [Intergenerational Relations. Influence of Family History on the Personal History of a Child]. *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], (4). Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/mezhpokolennye-svjazi-vliyanie-semejnoy-istorii-na-lichnuyu-istoriju-rebenka>
10. Howe, M. L. (2011). *The Nature of Early Memory: An Adaptive Theory of the Genesis and Development of Memory*. New York.
11. Ispolatova, E. N. & Nikolaeva, T. P. (1999). Modificirovannaja tehnika analiza rannih vospominanij lichnosti [Modified Technique for Analyzing Early Personal Recollections]. *Voprosy psihologii* [Psychology Questions], (1), 69–76.
12. Morozova, E. A. & Sorokina, T. Ju. (2009). Model' sem'i kak faktor formirovanija brachno-semejnyh ustanovok i lichnostnyh kachestv molodezhi [Family Model as A Factor in The Formation of Marriage and Family Attitudes and Personal Qualities of Youth]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Magazine], (32), 100–104.
13. Nelson, K. & Fivush, R. (2004). The Emergence of Autobiographical Memory: A Social Cultural Developmental Theory. *Psychological Review*, (3), 486–511.
14. Pasupathi, M. & Weeks, T. L. (2010). Integrating Self and Experience in Narrative as a Route to Adolescent Identity Construction. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 131, 31–43.

15. Romanova, E. V. & Shherbakova, A. S. (2011). Vlijanie opyta vzaimootnoshenij v roditel'skoj sem'e na formirovanie supruzheskih otnoshenij i udovletvorennost' brakom [The Influence of the Relationships Experience in The Parents' Family on the Formation of Marital Relations and Satisfaction with Marriage]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University], (3), 121–128.
16. Shlykova, Ju. B. & Lagutova, L. O. (2016). Avtobiograficheskie vospominanija o supruzheskih otnoshenijah i gendernaja samoocenka zhenshhin [Autobiographical Recollections of Marital Relations and Gender Self-Esteem of Women]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3), 73–91.
17. Shlykova, Ju. B. (2006). *Perezhivanie lichnost'ju smysla bytija i tip avtobiograficheskogo teksta* [The Experience of the Person's Sense of Being and The Type of Autobiographical Text] (Abstract of Cand. Dissertation). Krasnodar.
18. Shnejder, L. B. (2000). *Psihologija semejnyh otnoshenij* [Psychology of Family Relations]. Moscow.
19. Theiler, S. (2005). *The efficacy of Early Childhood Memories as Indicators of Current Maladaptive Schemas and Psychological Health*. Victoria, Australia.
20. Tihonova, O. I. & Janovskij, S. S. (2015). Osobennosti semejnoj psihoanaliticheskoj psihoterapii [Particularities of Family Psychoanalytic Psychotherapy]. *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], (1). Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/osobennosti-semeynoy-psihoanaliticheskoy-psihoterapii>
21. Wilson, A. E. & Ross, M. (2003). The Identity Function of Autobiographical Memory: Time is on Our Side. *Memory*, (2), 137–149.
22. Zmanovskaja, E. V. & Kartashova, T. E. (2011). Struktura i sodержanie brachno-semejnyh ustanovok sovremennoj molodezhi [Structure and Content of Modern Youth's Marriage and Family Attitudes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], (12), 222–226.